

А. Б. Брусиловская¹

«ОТТЕПЕЛЬ» КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

У «оттепели» как культурной эпохи, во многом предвосхитившей перестройку и постсоветский период истории России, были движущие механизмы, исподволь осуществлявшие перелом от сталинской «зимы» к хрущевской холодной «весне» и имевшие кросс-культурный характер. Источники начавшихся в ней глубоких и необратимых изменений определялись всемирно-историческими факторами — окончанием Второй мировой войны и ее социокультурными последствиями. Начавшийся по объективным причинам — прежде всего военного характера — еще в разгар войны культурный диалог между Советским Союзом и Западом (в лице стран антигитлеровской коалиции) не закончился даже в связи с объявлением холодной войны, но возобновился со всей интенсивностью после смерти вождя народов. Советская культура, ставшая более открытой, поневоле наполнилась атрибутами европейской и американской культур, западного образа жизни, что стало одной из главных внешних причин «оттепели», обозначив начало диалога советской культуры, до того развивавшейся изолированно, по законам «осажденной крепости», с мировой культурой как целым.

Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве (1957) ознаменовал собой первый шаг Советского Союза к открытости, первый опыт сопричастности общечеловеческим проблемам, предпочтения культуры повседневности — идеологии, мирной риторики — военным демаршам, этнокультурного плюрализма — классовому подходу. Были сформулированы

новая доктрина мирного сосуществования государств с различным социальным строем и концепция социально-экономического и культурного соревнования. Наряду с Западом, понимаемым обобщенно, без разделения на Европу и Америку, Советский Союз возлагал огромные надежды на развивающийся Восток (включая страны социализма — Китай, Корею, Вьетнам; демократическую Индию и др.), в котором видел непосредственную поддержку своим глобальным инициативам и истоки всемирного единства народов планеты.

В совокупности все это означало новую версию «всемирной отзывчивости» отечественной культуры (после увлечения в 1920-е гг. проектом мировой революции), включение Советского Союза во всемирно-исторический процесс цивилизационного, научно-технического и культурного развития в глобальном масштабе, приобщение к решению глобальных проблем середины XX века. К этому времени относится и формирование *биполярного мира* — с альтернативными центрами в Москве и Вашингтоне. Таким образом, СССР вступил в эру *глобализации* (с учетом советской цивилизационной и культурной специфики) и стал сам — в лице своей культуры 1950–1960-х годов — фактором глобального развития всего человечества. Не случайно именно в это время великий русско-американский социолог и культуролог П. А. Сорокин сформулировал как главную проблему нашего времени *конвергенцию* западной и советской цивилизаций, что в скором времени полностью подтвердилось.

Когда советские воины оказались в Европе — хотя и обескровленной оккупацией и бомбежками, но сохранившей свой неповторимый культурный и цивилизационный облик — это было для них в прямом и переносном смысле открытием Америки. Европейский благоустроенный (даже во время войны!) образ жизни и быт, атмосфера благополучия и комфорта особенно остро ощущались на фоне тягот армейской полевой жизни и тыла. Аморфные и в то же время схематичные представления о Западе, сформированные советской пропагандой, вытеснялись совершенно конкрет-

¹ Старший научный сотрудник лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва), кандидат культурологии. Автор около 130 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Культура повседневности в эпоху „оттепели“: метаморфозы стиля», «В. Розанов в контексте культуры», «Современные трансформации российской культуры», «Традиционное и нетрадиционное в культуре России», «Эстетико-культурологические смыслы праздника», «Искусство в начале XXI века. Проблемы и тенденции», «Русская утопия в контексте мировой культуры» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества, Международного Мандельштамовского общества.

ными, эмпирически ощутимыми образами высококачественных предметов массового потребления. Именно потребительские ценности стали одной из главных причин прозападных умонастроений поколения «младших детей войны», во многом спровоцированных гуманитарной помощью стран антигитлеровской коалиции, и прежде всего США, во время войны. Даже развернувшаяся с началом холодной войны антиамериканская кампания не смогла вытеснить из народного сознания позитивного интереса к Европе и Америке, к предметам их повседневного обихода и западной культуре в целом. Америка негласно оставалась неким маяком для эпохи «оттепели». «Догнать и перегнать Америку» — этот лозунг можно было встретить где угодно: это касалось и гонки ядерных вооружений, и мирного освоения космоса, и производства товаров народного потребления. Множество хрущевских реформ имело американское происхождение: односемейные квартиры, предприятия общественного питания с системой самообслуживания, «кукурузная эпопея», соревнования по удою молока... Сам исторический визит Н. Хрущева в США имел далекоидущие последствия и демонстрировал начало глобальных перемен в послевоенном мире.

В 1950–1960-х годах из восприятия жизни и искусства медленно, но верно уходят черно-белые тона, однозначные оценки, нормативные интерпретации событий и характеров, поступков и переживаний. Стремительно укореняется и развивается в массовом советском сознании поначалу малозаметная *деидеологизация культуры*. Это проявляется и в выборе «киногероев нашего времени», и в драматизации киносюжетов, и в нравственно-философском осмыслении действительности. Основное идейно-эстетическое кредо западного кинематографа — неповторимость каждой личности, ее беззащитность в современном обществе потребления и в технократическом мире, уязвимость перед обстоятельствами, превышающими ее возможности, экзистенциальная проблематика — находит понимание и творческий отклик в СССР.

Литература «оттепели» (В. Аксенов, Г. Владимов, Е. Евтушенко, А. Вознесенский и др.) сохранила дух восторженного преклонения перед звездами западного кино — Б. Бардо, Дж. Лоллобриджидой, М. Монро, А. Делонем. Первая половина 1960-х годов в СССР ознаменовалась подражанием внешнему облику, а также коллекционированием фотокарточек любимых киноактеров, в том числе зарубежных кумиров. Западное кино становилось неотъемлемой частью советской культуры. Огромное значение для модификации массового советского сознания в эпоху «оттепели» имел перевод книг Э. Хемингуэя и Э. М. Ремарка о потерянном послевоенном поколении. Вся молодежная проза второй половины 1950-х годов — В. Аксенов, А. Гладили, А. Кузнецов и другие — испытала на себе глубокое влияние хемингуэевского и ремарковского творчества. В лице Хемингуэя представал не столько американский писатель XX века, сколько эталон свободного и обаятельного в своей свободе западного человека, на которого хотелось бы походить внешне и внутренне. От Ремарка ведут происхождение психологизм и саморефлексия героев, драматизм их взаимоотношений, стойкость в противостоянии судьбе — общечеловеческие черты, узнаваемые и в советском послевоенном поколении.

Только в последние постсоветские десятилетия появилась возможность реально сравнить две социокультурные системы, сделать обобщающие выводы об их единстве и значении для мировой истории, оценить *массовую культуру общества потребления* и сам процесс конвергенции как феномены современной *глобализации*. Однако без начавшегося в эпоху «оттепели» диалога советской культуры с западной, без бума западных материальных и духовных ценностей это было бы невозможно. С «оттепели» началось преодоление советского тоталитаризма и сталинизма, формирование открытости и гласности, плюрализма и толерантности — глобальных перемен в советской культуре и международных коммуникациях, имевших в XX веке всемирное значение.